

средств коммуникации между новыми промышленными центрами способствовали росту политической мобильности, вовлечению населения в обсуждение государственных проблем. Таким образом, в конце XVIII — начале XIX вв. города в Англии стали центрами политических и социальных изменений¹.

Библиография

1. *Айзенштат М.* Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития. — Саратов, 2001.
2. *Жолудов М. В.* Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX в. — Рязань, 1997.
3. *Согрин В. В.* История партийно-политической системы в Великобритании: анализ немарксистских концепций // Новая и новейшая история. — 1988. — № 5.
4. *Cox H.* Whig and Tory Administrations: During the last thirteen years / H. Cox. — London: Longmans, Green, and Co., 1868.
5. Documents of English History 1832–1950 / Edited by W. A. Barker, G. R. St. Aubyn and R. L. Ollard. — London, S.a.
6. *Fay c. R.* Life and Labour in the Nineteenth Century. — Cambridge, 1933.
7. *Speed E. D.* A Social and Industrial History of Britain. — London, 1937.

Болдин Владимир Алексеевич

Студент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Истоки и генезис великохорватской идеи

Аннотация

В статье рассмотрены социально-исторические предпосылки и условия возникновения великохорватской идеи в начале XIX века, а также отражены основные отличия великохорватизма от других национально-интеграционных идеологий имевших место в Хорватии. Правильная трактовка данных идеологических воззрений является ключом к пониманию многих событий происходящих не только в современной Хорватии, но и в целом на Балканах.

Ключевые слова: «Великая Хорватия», Эуген Кватерник, Анте Старчевич, «партия права».

На протяжении многих веков Балканы представляли собой одно из самых проблемных мест европейской политики. На этом полуострове переплелись узлы противоречий всех наиболее влиятельнейших держав, поэтому по меткому выражению историков, Балканы стали «пороховым погребом Европы».

¹ См.: *Айзенштат М.* Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития. — М.; Саратов, 2001. — 101 с.

Противоречия вокруг Балканского полуострова не утихают и по сей день, особенно когда после распада Союзной республики Югославия, на ее территории образовалось сразу несколько новых государств. Немаловажным представляется то, что в молодых балканских государствах на смену социалистической идеологии, господствовавшей в Югославии, пришли совершенно разные по своему спектру политические идеи и взгляды. Определяющей чертой политического сознания стало обращение к националистическим лозунгам, что явилось одной из причин, приведших к кровопролитной войне на Балканах.

При анализе этих явлений может возникнуть впечатление, что они — результат исключительно современных политических пертурбаций. На самом же деле подобные радикально-националистические воззрения уходят своими корнями в начало XIX века. Характерным примером является идеология «великохорватизма».

Хорватская нация формировалась в крайне сложных условиях: отсутствие политической независимости, германизация, географическая разобщенность народа, смешанный религиозно-этнический состав — все это оказало влияние на специфику национально-политического сознания хорватов. Было создано две национально-интеграционные идеологии: хорватский югославизм (традиционно носивший более либерально-федералистский характер) и национальный радикализм (великохорватизм). Последний возник после поражения революции 1848 г. (с ее панславистскими идеями федеративной конституционно-монархической либеральной Австрии) и в связи с установлением неоабсолютистского режима, а также с провозглашением великосербской идеи¹.

Идеологи великохорватских идей претендовали на большинство южнославянских территорий, считая, что они населены хорватами. Сербов, словенцев и босняков они объявляли представителями хорватского этноса, причем зачастую приводя совершенно неубедительную аргументацию. Так, например, словенцев они именовали «хорватами-горцами», а наличие этнонимов «серб» и «босняк» либо полностью отрицали, либо считали недоразумением. Но реально основными задачами великохорваты ставили укрепление национального самосознания в самой Хорватии, Славонии, Далмации, а также присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии, что, кстати говоря, стало одним из основных камней преткновения между Сербией и Хорватией.

Появление национально-радикальной идеологии великохорватизма во многом обусловила экономическая отсталость Хорватии по отношению к другим регионам Австрийской империи. После 1848 г. и особенно с 1860-х гг. множество хорватских мелких производителей, малоимущих дворян, мелких торговцев с отчаянием наблюдали, как финансовые потоки Австрийской империи идут мимо их страны, понимали что судьба Хорватии зависит от иноземцев, чуждых ее интересам, что значительная часть народа на Военной границе живет в условиях наследственной солдатчины и проливает кровь за Габсбургов². Бюрократизация управления и военные расходы вызвали неви-

¹ См.: Фрейдзон В. И. «Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке //Славяноведение. — 1998. — № 5. — С. 18.

² См.: Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён

данный ранее взлет налогов, разорительных для крестьян, ремесленников, торговцев, помещиков. Создание же новых средних слоев (торгово-банковской, аграрной и промышленной буржуазии и связанной с ней интеллигенции) протекало медленно и дало ощутимые результаты лишь к концу XIX в. Поэтому именно 1850–80-е гг. в Хорватии стали временем глухого отчаяния, острого недовольства части интеллигенции, вылившегося в радикально-национально-политические идеи¹. Главной идеей хорватского национального радикализма стала идея свободной и независимой Хорватии.

Наиболее видными и последовательными выразителями этой идеи стали Анте Старчевич (1823–1896) и Эуген Кватерник (1825–1871). Впервые развернутое обоснование права Хорватии на независимость было дано Кватерником в 1859 г. в изданной в Париже анонимной брошюре под названием «La Croatie et la Confederation Italienne», затем в начале 1860-х гг. в книге «Politička razmatranja», изданной в Загребе². Тогда же Старчевич, будучи главным нотариусом Риекской жупании (области) и депутатом хорватского Сабора («Собрания сословий и чинов королевства Хорватия, Славония и Далмация»), составил и вместе с другим депутатом — Кватерником представил на заседании Сабора «петицию», в которой требовал наделения Хорватии правами широкой автономии в составе Габсбургской монархии, созыва полновластного Собрания сословий и чинов для решения хорватских проблем.

Характерной чертой идеологических построений и Старчевича, и Кватерника (оба, кстати говоря, получили юридическое образование) была отсылка к так называемому историческому праву, как доказательству законности национальных требований. Сущность правовых доводов состояла в том, что Хорватия как государство существует непрерывно с раннего Средневековья, что хорваты, как суверенный народ, заключили договор с венгерскими королями в 1102 г., а в 1527 г. добровольно договорились с династией Габсбургов. По мнению Старчевича в том, что в XIX в. от государственных прав Хорватии сохранились лишь небольшие остатки, повинны иностранные правители и мягкотелые эгоистичные представители хорватского общества, готовые служить любому господину. Именно отсылка к историческому праву Хорватов послужила поводом к самоназванию последователей Старчевича «партией права» (праваша).

до образования республики (1991 г.). — СПб, 2001. — С. 167.

¹ См.: Фрейдзон В. И. Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // Славяноведение. — 1998. — № 5. — С. 19.

² По поводу брошюры Кватерника ряд критических замечаний высказал на страницах «Русской беседы» (одного из виднейших славянофильских журналов того времени) русский ученый-славист, общественный деятель и дипломат XIX века — А. Ф. Гильфердинг. Признавая, что автор добросовестно и последовательно высказал «все права своего народа» и обозначил «все нарушения этих прав со стороны Австрии», Гильфердинг не одобрил позицию Кватерника, полагая, что «вопрос о народном праве хорватов теряет в его книге свое значение внутренней непреложности и низводит на степень вопроса о временной выгоде и удобства для Западной Европы». См.: Гильфердинг А. Ф. Историческое право хорватского народа // Русская беседа. 1860. Кн. 1. — М.: Тип. Александра Семена, 1860. — С. 1, 7, 10.

Еще одной отличительной чертой национального радикализма в Хорватии, которая во многом определила и дальнейшее развитие данной идеологии, стало отрицание какого-либо объединения с другими народами империи, наличия общих интересов Хорватии с «другими народами». В отличие от других политических сил, правящие не видели разницы в унитарном или федеративном устройстве Австрийской империи. По их мнению, само пребывание Хорватии в ее составе вело к тому, что национальные интересы отодвигались на второй план, или вовсе нивелировались под натиском «швабов»¹. При этом стоит отметить то, что Старчевич и его сторонники, например, отвергая объединение с Венгрией, вовсе не отрицали роли мадьяр как союзников в борьбе с главным врагом — Австрией. К этому нужно добавить, что понимая слабость хорватов, Старчевич ожидал национального освобождения от какой-либо враждебной Габсбургам державы — первоначально Франции, ввиду провозглашенного Наполеоном III «принципа национальностей», затем — от франко-русского союза, который казался ему неизбежным, а после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — от России.

Характерной чертой идеологии великохорватизма также стало отрицание сербского этнонима, самого существования сербского народа как нации. Эта «теория» панхорватизма преследовала национально-политические цели, поскольку сербское население было расположено в жизненно важных для формирующейся хорватской нации районах Триединого королевства². Однако стоит признать, что отношение к хорватам со стороны идеологов «Великой Сербии» было абсолютно таким же. «Великие» идеи сербов и хорватов противостояли друг другу, становясь и развиваясь во взаимном противостоянии.

С развитием времени, с изменением социальной динамики, экономических и политических условий меняются и идеологии, в том числе, и национально-радикальные. К концу XIX — началу XX в. претерпели ряд изменений и «подлинное» старчевичанство, и воззрения правящей, а в самой партии произошёл раскол. Великохорватизм в XX и XXI вв. — это уже отнюдь не следование классическим учениям Кватерника и Старчевича. Хотя, очевидно, что современные националисты в Хорватии, создавая свои идеологические платформы, многое почерпнули у своих предшественников. Поэтому выяснение истоков подобных идей, обращение к прошлому, несомненно, облегчит задачи исследователя при анализе процессов происходящих как в Хорватии, так и на Балканском полуострове в целом.

¹ Такая позиция не была бесосновательной, можно привести высказывание виднейшего русского историка, М. П. Погодина, из работы «Отрывки из писем о положении славян в Европе», адресованных министру народного просвещения России С. С. Уварову, в которой он отметил, что «Мадьяры и Сербы, т. е. Хорваты, Славонцы и Далматы, пьшут злобою друг против друга, — а между ними, по горячим углям, переступают Австрийцы, и склоняются то на ту, то на другую сторону». См.: *Погодин М. П.* Отрывки из писем о положении славян в Европе // Русская беседа. 1858. Кн.1. М.: Тип. Александра Семена. 1858. С. 76.

² См.: *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). — СПб, 2001. — С. 168, 172, 174.